

Стена

Яреци Фернандез

Впервые в жизни она работала на пределе своих возможностей. От отсутствия опыта, каких-то знаний ей было очень плохо, у нее сильно болела голова, что-то трещало, пульсировало, взрывалось и гудело. Отголосками уплывающего сознания она слышала, как Тору ходил, чувствовала, что он протер ее лицо, слышала даже недовольный плач дочери, и от этого ее сердце разрывалось от боли. Она несколько раз пыталась подняться, чтобы заняться дочкой, но каждое движение ее тело отдавалось новой порцией боли. Она винила себя в этом. Она знала, что ей влетит за это от Тору, она была к этому готова, но она не могла все это просто так оставить. Узнав правду о маме не от папы или Тору, а от виновника, она хотя бы немного успокоилась. По крайней мере, теперь понятно, то, возможно, мама не по своей воле отказалась общаться с ней. И, если это так, то это же прекрасно. Мама пройдет курс реабилитации, поправится, а потом обрадуется, что у нее появилась внучка. И все будет прекрасно и замечательно! А потом она помирится с папой.

Ночь прошла в коротких проблесках спокойного сна, и под утро головная боль отступила. Девушка услышала сигнал будильника и проснулась. Тору не разговаривал с ней. Проводив его на работу, она вернулась в комнату. Хотелось спать, но присутствие дочки заставляло ее стать сильной. Посмотрев на кровать на наволочке и пододеяльнике, она поменяла постельное белье и решила немного, насколько это позволяли силы, убраться. Потом повозилась с Кимико, переодела ее, покормила и вместе с ней легла спать, отправив перед этим Тору смс со словом "люблю". Спать хотелось невыносимо.

И был в душе неприятный осадок. Тору не хотел с ней утром разговаривать, он не выспался, какую-то часть ночи проведя с дочерью, и это угнетало. Ей хотелось чем-то искупить свою вину. Поэтому она, снова покормив дочь, поцеловав ее и уложив в кровать, направилась на кухню, чтобы что-то приготовить. Несмотря на сильную слабость, она приготовила вкусный пирог, благо продукты в холодильнике были. И, выключив плиту, вернулась в комнату. Малышка недавно проснулась, и девушка включила ей музыкальную подвеску. Рукой стала гладить дочку по голове и смотреть на время. Половина девятого. А Тору все не было. И это пугало. Неужели градус терпения достиг допустимого предела и теперь между ними выросла ледяная стена? Он ведь так и не ответил на сообщение...

Тору Мотидзуки

Время, с момента, как он выставил из квартиры мальчишку и до того, как он сам ушел на работу, тянулось мучительно медленно. Яреци больше напоминала овощ, чем живого человека, заставляя его изрядно понервничать, а Кимико требовала внимания, которое ей не могла предоставить не рассчитавшая свои силы мама, поэтому вечер и ночь у него прошли в мечтах об отдыхе, поскольку дома после всего он устал еще больше, чем на работе.

Утреннее пробуждение и вовсе показалось Тору крошечным адом. Он не считал, сколько часов ему, в итоге, удалось поспать, но судя по ощущениям

катастрофически мало. Но необходимость вставать и идти на работу никто не отменял, поэтому он с великим трудом покинул теплую уютную кровать и отправился приводить себя в надлежащее состояние.

Яреци тоже встала вместе с ним, но желания с ней разговаривать и обсуждать вчерашнее у него не возникло, поэтому Тору, быстро перекусив, собрал все необходимые вещи и ушел на работу, которая сегодня должна была занять время часов так до семи. В итоге, закончил он даже немного раньше, но домой сразу, как он это обычно делал, не пошел, впервые согласившись поужинать с парой коллег. Наверное, это был не слишком взрослый поступок, но ему совершенно не хотелось сразу идти домой и, в очередной раз, вести душеспасительные разговоры, от которых, как он понял, не было никакого толка. Раз уж Яреци не подумала о маленьком ребенке, используя ментальную магию даже не попробовав другие способы получения информации, то говорить здесь о чем-то не имело смысла. И никакие сообщения с признаниями в любви не могли изменить этого факта.

В небольшой, но уютной закусочной они просидели около полутора часов, после чего Тору все же решил закругляться и, допив третий бокал пива, начал собираться домой. Дорога до съемной квартиры заняла еще около получаса, и он даже начал немного нервничать, поскольку уже давно не возвращался настолько поздно. Но потом усталость и раздражение все же взяли свое, глуша угрызения совести, так что на момент своего возвращения домой Тору с каменным лицом просто начал снимать верхнюю одежду, забыв все слова извинения, которые были готовы сорваться с языка еще десять минут назад. Его план был прост – проверить, все ли было нормально за время его отсутствия и, если да, то отправиться в душ, а потом завалиться спать, пропуская часть с бесполезными разговорами и попытками воззвать к здравому смыслу.

Яреци Фернандез

Все имеет срок терпения. Наверное, в их семье этот самый срок терпения закончился с ее вчерашней выходкой. И теперь в их семье все будет по-другому. Тору не будет с ней разговаривать, считая, что она его предала, она будет готовить ему еду, стирать и приводить в порядок его вещи, и объединять их будет только малышка Кимико. Что же, наверное, это действительно карма. Она не имела никакого права влезать в голову этому подонку, она ведь не для того изучала ментальную магию, чтобы просто так подчинять его сознание своей воле. И, наверное, все было бы не так печально, если бы Тору не был свидетелем этого. Так, наверное, она смогла бы скрыть причины сильной головной боли.

Она почувствовала, как грудь разрывается от рыданий, по лицу текут слезы, и горько хмыкнула. Получается, что она только и умеет, что реветь и совершать необдуманные поступки. Конечно, Тору устал от ее истерик и слез. Конечно, он не хочет всю жизнь жить с психованной истеричкой, которая не думает ни о ком. Наверное, его мама была права, говоря, что она еще очень молода и многого не понимает. Наверное, нужно было тогда не устраивать истерики, а отпустить его. Он достоин лучшего. Самого лучшего.

Она посмотрела на дочь, и из груди снова стали вырываться рыдания. Она снова прислонила ко рту кулак, чтобы не закричать в голос. Хотелось кричать, что-то

делать, но только не сидеть в этой безмолвной тишине. Она встала с кровати, наклонилась к малышке и поцеловала ее в лоб, потом в щеку. А потом направилась в ванную, чтобы умыться. В ванне лежали грязные пеленки, которые надо было постирать, и она этим и занялась. Чтобы было чем заняться. Чтобы не думать о боли. И чтобы самой себе казаться сильной. Она боялась, что сегодня Тору не вернется домой...

Она полоскала вещи, когда услышала подозрительные шорохи в коридоре. Выключила воду и, сглотнув, вышла из ванной. Тору раздевался с абсолютно каменным лицом, и она в первую секунду почувствовала какую-то тянущую боль в груди. Хотела броситься ему на шею, в очередной раз зарыдать, но это лишь уплотнит стену безразличия между ними.

- Привет. Я... мне еще осталось прополоскать вещи. И... я там приготовила пирог, если ты, конечно, хочешь...

Голос дрогнул, и она сглотнула. Было больно. Она развернулась и скрылась в ванной. Продолжила заниматься полосканием пеленок, стараясь не разреветься. Нельзя плакать. Надо отвечать за свои поступки...

Тору Мотидзуки

Вскоре после его появления в квартире из ванной вышла Яреци, и ее подозрительно припухшие глаза говорили о том, что этот день для нее тоже прошел непросто. И Тору хотел было пожалеть девушку и сказать, что все нормально, и очередная ошибка не изменит его к ней отношения, ни как к жене, ни как к возлюбленной, но его остановила всепоглощающая усталость. Причем физически, благодаря постоянным тренировкам, он чувствовал себя еще терпимо, несмотря на недосып. Его усталость была иного рода. С того момента, как он назвал Яреци своей женщиной, Тору слишком часто приходилось сдерживался, проявляя терпимость и стараясь больше думать о чужих чувствах, а не о своих. Но при всем при этом он оставался обычным человеком, которому тоже иногда хотелось проявлять слабость, хоть обычно он и не мог себе этого позволить.

На слова Яреци Тору только кивнул, не зная, что ответить. Есть он не хотел, но озвучивать это не стал, как и рассказывать о своем ужине с коллегами. Больше всего он сейчас не хотел нарываться на очередную истерику или тратить время на объяснения, в чем девушка была вчера не права. Это казалось ему очевидным, но, возможно, его мнение по этому вопросу не совпадало с мнением жены, которое он сейчас не горел желанием выслушивать.

Яреци снова скрылась в ванной, а Тору пошел в комнату, чтобы посмотреть на дочку и переодеться. Кимико он обнаружил сладко спящей и, как всегда, очаровательной, в очередной раз поражаясь, как ему удалось поучаствовать в создании столь потрясающего существа, как его малышка. Боясь разбудить дочь, Тору не стал до нее дотрагиваться, решив для начала переодеться. Сначала в сторону полетел пиджак, а затем и рубашка, от которых он с удовольствием избавился, но, вытащив ремень из брюк и отправив его к остальной одежде, он почувствовал, что больше ничего не хочет и просто уселся на стул, рядом с небольшим столиком, на котором располагался его ноутбук, и прикрыл глаза. Наверное, Тору знал, что ему стоит

делать по отношению к Яреци, чтобы это было правильно, но сейчас он не был готов показывать себя понимающим все мужем, превращаясь в обычного человека, который жаждал немного покоя и самой простой любви со стороны самых близких людей.

Яреци Фернандез

Она прополоскала вещи и отжала их. Стряхнула и повесила на полотенцесушитель. Умылась и вышла из ванной. Тору был не на кухне, значит он не хочет есть её пирожок. Тут могут быть две причины - либо он где-то перекусил, либо просто не хочет видаться с ней. Если он где-то перекусил, то вряд ли делал это один. Она вспомнила, как он когда-то говорил, что иногда коллеги приглашают его куда-нибудь. Наверняка он воспользовался предложением посидеть в компании. Ведь это намного лучше, чем проводить время с истеричкой-женой. Вот только она больше не хочет быть этой самой истеричкой. Она хочет быть женой. Любимой женой самого любимого человека на свете.

Если он отдохнул с коллегами, то она рада за него. Людям свойственно отдыхать, а то от обычного "работа-работа-работа-дом" можно постепенно сойти с ума. Как хорошо, что он смог разорвать этот круг и вместить в него ужин с коллегами. Пусть это будет действительно ужин с коллегами. А не грустное и одинокое хождение по улицам города.

Тору сидел в комнате на стуле, и от его вида у неё сжалось сердце. Он выглядел несчастным, грустным, уставшим и каким-то потерянным. Возможно, ей это показалось, когда она посмотрела на его осунувшуюся спину, будто он один остался держать небо, когда другие ушли "на перекур". Сердце защемило, и она сглотнула. На глаза навернулись слёзы, но она их сдержала. Осторожно, будто боясь его напугать тихо подошла к нему и положила свои руки на его плечи. Потом резко отдернула и потёрла о штаны. После холодной воды они замерзли, и согреться не успели. А может быть они были холодными из-за чего-то другого. Она обвила руками его шею и скрепила их на его груди. Наклонилась и языком нежно провела по его уху и осторожно прикусила мочку.

- Прости, если напугала холодными руками. Я полоскала вещи. Спасибо тебе, любимый, что ночью посидел с малышкой. Я не буду просить у тебя прощения, я знаю, что ты имеешь полное право послать меня туда же, куда я отправила Маркуса. Я понимаю, что этот поступок был ужасен, мне нет прощения, я не имела никакого права этого делать, но... просто... спасибо тебе. - Тихо прошептала она, прикрыв глаза и всеми силами стараясь не разреветься. Голос предательски дрожал, и приходилось до крови прикусывать губу. - Ты после работы отдыхал с коллегами? Я рада, если тебе удалось хоть немного расслабиться, - добавила она более весёлым голосом.

Пожалуйста, пусть это будет правда. Пусть он действительно немного отдохнул с коллегами и развеялся. Он не должен страдать из-за её ошибок. Они не должны страдать...

Тору Мотидзуки

Из состояния полузабытья его сначала вывел шорох, говорящий о появлении в

комнате Яреци, а потом и прикосновение к плечам ее подозрительно холодных рук. В голове промелькнула мысль, что она долгое время возилась в холодной воде, но он тут же постарался ее откинуть, поскольку жалость к жене была совершенно не конструктивна и загоняла в один и тот же круг, в котором он прекращал быть сильным мужчиной и превращался в жалкое существо, позволяющее жене "вить из себя веревки".

Обвитые вокруг его шеи руки и уже тем более неожиданное прикосновение языка к его уху заставили Тору вздрогнуть и почувствовать, как его тело неуместно реагирует на ласку жены. И это было совершенно нечестно, поскольку он и раньше сходил от Яреци с ума, а после длительного перерыва, связанного с рождением Кимико и вовсе готов был практически вибрировать от любого ее прикосновения.

Из-за затапливающих тело ощущений Тору пропустил половину из адресованных ему слов, уловив только вопрос про коллег и, злясь на свою слабость, заставляющую его "плавиться", словно масло, ответил полным раздражения голосом:

- Да, я ужинал со своими знакомыми с работы... Одной из моих работ.

Тору нарочно подчеркнул степень своей загруженности, о которой Яреци, похоже, временами совсем забывала. Пусть он и старался обычно выглядеть бодрым и сразу по возвращению домой помогать жене по хозяйству, это не означало, что режим, в котором он жил, постепенно его не выматывал. И самое печальное, ни от одной из своих активностей он отказаться не мог, поскольку на нем было содержание семьи, включающая оплату съемной квартиры, а теперь еще и внесение взносов за новую квартиру, в которую еще нужно было вложить еще столько денежных средств, что становилось немного страшно, когда он задумывался, хватит ли ему сил воплотить в жизнь все задуманное. Но, поскольку, другого варианта у него не было Тору собирался работать, пока не расплатится со всеми долгами или пока не ляжет костью, стараясь быть идеальным мужем и отцом, успешно справляющимся с любыми трудностями.

Яреци Фернандез

Его голос, полный раздражения и злости, заставил её вздрогнуть и отстраниться от него. Она убрала руки с его плеч и, отойдя от него на несколько шагов, села на самый край кровати и спрятала руки между ногами. До крови закусил губу, чтобы не разреветься. Ей было больно. Она как всегда всё испортила. Зачем она только поцеловала его?

По щеке пробежала слеза. Одинокая, показывающая слабость, а может полную ничтожность своего существования. Наверное, она была самым ничтожным человеком. Она не имела никакого права позволять его чувствам играть с её чувствами. Она должна была отпустить его, когда это было ещё возможно.. Она не хотела, чтобы всё так получилось. Почему они просто не могут быть счастливы? Почему он должен страдать? За что ему это?

В голове крутилось множество мыслей, слов, чувств. От этого становилось больно физически, голова, казалось, сейчас просто взорвётся. По телу прошла нервная

дрожь, заставившая её горько хмукнуть и снова ощутить потребность закричать. Громко. Но ведь нельзя. Она находится в городе. Она сидит дома. В кровати спит маленькая Кимико, которая проснётся и испугается от этого крика. Может, всё бросить? Уехать на несколько дней в монастырь? Взять малышку, попросить у Тору прощения за всё, и уехать? Нет, это глупо. Это неправильно.

- Ненавижу... - сама от себя такого не ожидая прошипела она. В это слово она вложила всю боль, ненависть, страх и отчаяние. - Ненавижу его. Он... Тору, её же спасут? Она же поправится? Она... я должна была узнать правду. Я... понимаю, что нельзя было это делать таким образом. Но... вдруг он бы не сказал всю правду? Я... боюсь... Тору, я... - она тяжело поднялась с кровати и подошла к мужу. Опустилась перед ним на колени и своими ледяными руками взяла его руку. Заглянула в его глаза. - Спасибо тебе, спасибо, что ты не бросил нас... я... я постараюсь быть сильной. Я пока показываю только то, что являюсь самым ничтожным человеком, но я очень хочу, чтобы ты был счастлив. Я знаю, что ты меня никогда не простишь за это, просто... я люблю тебя. Я всегда тебя любила. Я... я могу тебе чем-то помочь? Прошу, не молчи... хочешь, я тоже выйду на работу? Или... ты хочешь, чтобы я тебя оставила сейчас?

Она в очередной раз закусила губу, но всеми силами, на которые была сейчас способна, пыталась сдержать слёзы...

Тору Мотидзуки

Его полный раздражения голос заставил Яреци отстраниться и уйти на кровать. От внимания Тору не укрылась пробежавшая по ее щеке слеза, но он, в отличие от своего обычного поведения, не стал подниматься с места и бросаться ее утешать. В конце концов ей пришлось научиться самостоятельно разбираться со своими эмоциями и понять, что помимо них в этом мире есть еще очень много всего важного.

Резкое и неожиданное выражение своей ненависти к двоюродному брату застало Тору, не привыкшего слышать от жены настолько резкие слова, врасплох. Он даже вздрогнул, когда относительную тишину, царящую в квартире, пререзало ее "ненавижу". До этого момента ему и в голову не приходило, что Яреци способна на подобные чувства, но видимо вся эта история с матерью, стала для нее последней каплей, окончательно сломавшей тормоза, как-то останавливающие накопившиеся за последнее время негативные эмоции.

- Я не знаю, что в итоге будет с твоей мамой, но, наверняка, в ближайшее время ей должно стать лучше. - Тору не хотел давать девушке бесплодные надежды, но, при этом, искренне считал, что без негативного влияния мальчишки, его теща должна стать хоть немного адекватнее, чем была до этого.

Дальнейшие действия жены шокировали его настолько, что заставили вскочить с места, чтобы поднять ее с колен и как следует встряхнуть, пытаясь привести в себя.

- Ты что, совсем с ума сошла?! Что ты вообще такое говоришь?! Оставила? Ты хоть понимаешь, что мы женаты и у нас только недавно родилась дочка? Или ты считаешь нас подростками, которые могут в любой момент сойтись или разойтись

из-за своих прихотей или бытовых проблем? Открою тебе секрет - в нормальных семьях, где муж и жена действительно любят друг друга, они борются за свое счастье, а не пасуют сразу перед трудностями.

Тору еще с момента из первой ссоры в Москве убивала способность Яреци так легко отказываться от их отношений, словно это была какая-то игра. И, что было самым противным, девушка старалась все это облечь в обертку заботы о нем же самом, словно ему могло стать лучше от их расставания, возможность которого пугала его сильнее, чем реальная угроза здоровью и даже жизни.

Яреци Фернандез

Я плохая жена. Я плохая мама для его дочки. Я плохая дочь для родителей. Я никогда не стану сильной и хорошей. Я всегда все порчу...

Эти мысли пронеслись в ее голове, заставив болезненно поморщиться и отстраниться от него. Его слова острыми гвоздями впивались в ее сознание, причиняя сильнейшую боль, выворачивая душу наизнанку. Он был прав. Он был абсолютно прав - она сошла с ума, она считает себя подростком и, черт побери, она действительно ничего не знает об этой жизни. Ей только восемь дней назад исполнилось девятнадцать, она только шесть лет назад закончила играть в куклы, она мечтала о красивой сказке о любви, но получилось все именно так. Она подарила Тору ребенка, она стала женой и матерью. Наверное, теперь нужно расставить все эти ценности как-то иначе? Получается, что любви-то и нет? Есть что-то другое? Смирение? Кротость?

Она сильно побледнела, когда он все высказал. Она совершенно не знала, что ей нужно делать. Обнять его и успокоить? Но ведь он так резко отреагировал на ее поцелуй. Вдруг сейчас совершенно не это ему нужно? Вдруг он просто хочет, чтобы она от него отстала со своими соплями, оставила его, позволила ему лечь спать? Или ему нужна забота, уверенность? Но, черт возьми, как она, девятнадцатилетняя девчонка, может подарить ему уверенность и заботу? Ведь ее объятия и поцелуи сейчас не нужны.

Что делать? Кто может дать совет? Стена становится все толще, ее уже не растопить, не пробить. Неужели она действительно умеет только все разрушать? Неужели она не может подарить хоть маленький островочек стабильности, надежности, счастья?

Она смотрела на него, кусала губы, чтобы не разреветься и не разбудить дочку. Ему не нужны ее слезы, ее истерики. Ему больно, страшно. Наверное, ему страшно. А может она как всегда себе все напридумывала. И ему просто нужно, чтобы от него отстали.

- Прости... - тихо прошептала она. - Прости, пожалуйста, если я не так выразилась. Я... тебе, наверное, сейчас хотелось побыть одному... я очень рада, что ты смог немного отдохнуть... - она подошла к нему и взяла его лицо в свои ладони. Очень робко стала покрывать его лицо поцелуями. Она хотела целовать его более уверенно, но не получалось. Было страшно. Вдруг ему сейчас этого не было нужно?

Краем глаза она заметила шевеление в кровати, а потом Кимико заплакала. Девушка оторвалась от поцелуя и посмотрела на мужа. Крепко его обняла.

- Ложись спать, я посторожу твой покой. Я люблю тебя, - прошептала она и подошла к малышке. Нежно взяла ее на руки и поцеловала.

Жаль только, что в этой квартире только одна комната и нет возможности уйти в другую. Но ничего, она сильная, она справится. Она не имеет права сдаваться. И пусть стену уже не пробить, но она постарается сделать все, чтобы любимый был дома счастлив и любим...

Тору Мотидзуки

Женщины всегда оставались для него загадочными существами, содержание черепной коробки которых, хоть и было внешне похоже на то, что находилось и у мужчин, но работало совершенно иначе. А в том, что касалось его жены, все это, не поддающееся логике мыслительное безобразие, стоило умножать на два, если не на три, чтобы получить хотя бы примерное представление о том, что она там себе умудряется надумать в перерывах между противоречащими друг другу словами и действиями.

То она отстранялась от него, то начинала целовать. То просила прощение и признавалась в любви, а то окончательно взрывала мозг, предложением постеречь его сон, словно он после такого мог спокойно заснуть, даже несмотря на накопившуюся усталость. Ее робкие поцелуи возбуждали и выворачивали наизнанку, вызывая желание плюнуть на все и просто забыть о ментальной магии и ее неразумном применении, о так никуда и не девшемся детском подходе к жизни и о всевозможных бытовых проблемах, так или иначе возникающих в любой семье. Но он понимал, что это тупик. Что он не может вечно видеть в своей жене не равноправного партнера, а старшую дочь, пусть и заботливую и любящую. Но сколько еще пройдет времени до того, как они смогут, если смогут, общаться на равных, он не знал. И подобные мысли угнетали намного больше, чем отсутствие нормального отдыха.

Сообщив о том, что ему следует лечь спать, Яреци направилась к расплакавшейся дочке, и Тору, выдержав небольшую паузу, подошел к ней со спины и через плечо посмотрел на расхныкавшуюся малышку. На руках у мамы та явно чувствовала себя комфортнее, чем лежа в своей кровати и, глядя на Кимико, Тору почувствовал, поднимающуюся из глубин волну тепла, растекающуюся по его груди и заставляющую руку потянуться к плечу девушки, чтобы некрепко сжать его и показать, что несмотря на мелкие проблемы для него нет никого важнее и дороже, чем жена и дочь.

Его пальцы уже практически коснулись ее тела, но, в последний момент, Тору убрал руку, развернулся и отправился в душ, как и собирался изначально. В голове творился настоящий хаос, а разбушевавшиеся эмоции больше напоминали закрутившийся где-то внутри вихрь, поэтому он, прежде чем принимать какое-нибудь решение, хотел хоть как-то успокоиться и постараться привести мысли в относительный порядок. А лучше всего ему в этом помогали как раз прохладные струи воды, стекающие по коже и словно вымывающие весь накопившейся за

последнее время негатив.

Яреци Фернандез

Тору никак не реагировал на ее поцелуи и слова. Наверное, это было к лучшему или правильно, и она болезненно поморщилась. Малышка жалобно плакала, и Яреци уложила ее на кровать. Тору ушел, и она грустно вздохнула. Судя по всему, у ребенка начались колики, и надо что-то делать. Кажется, она где-то читала, что можно положить на животик теплую пеленку. Наверное, это должно помочь. Вот только пеленки не было. Она только все постирала. Эх, наверное, она как всегда все делала неправильно. Паника блокировала проблески здравого смысла, и она не знала, что делать. Раздела ее и сняла с нее памперс. Дочка успокоилась и стала с очень задумчивым видом сосать соску, которую Яреци вставила в рот.

- Ты хитрюга, почему ты такая хитрая? Тебе не нравятся памперсы? Ты хочешь, чтобы я пеленала тебя? - улыбнулась девушка, играя с ней. - Давай я тогда тебя положу на непромокаемую пеленку. А вообще, давай достану тебе кокон, и мы пойдем на кухню. Папа твой очень сильно устал, ему нужно поспать. Мы же не будем ему мешать, верно?

Свои слова она сопровождала действиями. Она достала из-под кровати эргономический матрасик-кокон, в котором ребёнок, по описанию на всяких сайтах, чувствует себя примерно как в утробе, что помогает ему легче адаптироваться к жизни. Одно из новых изобретений французов, кажется. Хотя не так важно. Этот матрасик был подарен папой, когда они выписались, но она пока им не пользовалась. Постелив пеленку и уложив в него дочку, она пристегнула её, провела пальцами по ее щечке и слабо улыбнулась. Потом вздохнула.

Она хотела поговорить с Тору, но считала, что, наверное, все уже упущено. Между ними выросла стена непонимания, и можно было что-то сохранить в их семье только умом и мудростью. Ни того, ни другого у Яреци не было. Зато была целая ночь, чтобы о чем-то подумать. Хотя она не была уверена, что сможет не спать всю ночь, но, наверное, это будет правильным по отношению к мужу, который из-за нее прошлую ночь не спал. Так нельзя.

Она вздохнула и, взяв малышку, направилась на кухню. Положила кокон на стол и задумалась...

Тору Мотидзуки

За время проведенное в душе, Тору было о чем подумать. И, как всегда, водные процедуры помогли ему немного успокоиться и если и не разложить все для себя по полочкам, то, хотя бы определиться с основными моментами, на которых держалось все остальное. По итогам размышлений он пришел к выводу, что злиться или обижаться на Яреци было бессмысленно. Он сам выбрал себе в жены не уравновешенную женщину, а эмоциональную девчонку, которая по законам его страны еще даже не достигла совершеннолетия. Поэтому ждать от нее зрелых поступков было глупо и, в какой-то степени, нечестно. Он сам в ее возрасте не отличался особой рассудительностью, вытворяя то, что домашней девочке Яреци не пришло бы и в голову, но требовал от юной жены взрослого поведения, ведя себя эгоистично и недостойно хорошего мужа. И поскольку теперь уже поздно было

рассуждать на тему, как бы сложилась жизнь, усмири он в свое время желания и оставь влюбленную в него ученицу в покое, следовало перестать разводить сопли, взять себя в руки и учиться выстраивать их общую реальность таким способом, чтобы не ущемить интересы никого из их своеобразной семьи.

Приведя тело, мысли и чувства в относительный порядок, Тору выключил воду, уже по традиции наспех вытерся, оставив на коже немало пропущенных капель и, повязав на бедрах полотенце вышел из ванной. Яреци с дочкой были на кухне, причем малышка Кимико больше не плакала, успокоившись, а возможно и заснув, чего он пока не видел. Девушка сидела спиной к выходу из кухни и, казалось, о чем-то усиленно думала. И, посчитав это занятие для нее совсем не полезным, Тору практически бесшумно подошел к ней сзади, откинул в сторону темные густые волосы и медленно провел рукой по обнажившейся шее. Прикосновение к нежной женской коже, заставило его на пару секунд прикрыть глаза, чтобы сосредоточиться на нахлынувших ощущениях, а затем наклониться и коснуться шеи губами, начиная с легкого практически не ощутимого поцелуя и постепенно становясь все настойчивее, позволяя губам хозяйничать на шее жены, пока та не прерывала его, как он надеялся, для всех приятное занятие.

Яреци Фернандез

То ли она очень быстро разобралась с малышкой, то ли Тору очень долго принимал ванну, но ей не хотелось больше находиться в безмолвной тишине. А вдруг с ним что-то там случилось? Да нет, вряд ли. Она бы услышала, если бы он, например, случайно поскользнулся и упал. А вдруг он ушел? Нет, это тоже маловероятно. Он любит ее, а она сама... любит ли она его? На что готов пойти человек ради спасения любимого? Если он его любит, то имеет ли право так поступать?

Но ведь она не сделала ничего плохого. Она узнала правду. Да, пусть таким методом. Да, она не имела права это делать, и из-за этого ее угнетают угрызения совести. Но ведь другим способом нельзя было узнать правду. Он бы ничего не сказал. Нет, можно, конечно, попросить кого-нибудь его избить, чтобы он сознался, но нет, это не выход. Это жестоко. А жестокость порождает жестокость. И с этим ничего нельзя поделать.

В ванне выключилась вода, и она прислушалась. Шаги приближались. Тору остановился позади нее, и это заставило ее напрячься. Она сильно вздрогнула, когда он нежно откинул прядь ее волос, провел пальцем по шее, и совсем "растаяла", когда он стал покрывать шею поцелуями.

- Знаешь, у нас нарисовалась маленькая проблема. Нет, наверное, она глобальная. У Кимико попа покраснела от памперсов. Наверное, придется сегодня ночью менять ей пеленки, которых не осталось... - Сказала она, стараясь не шевелиться, чтобы не спугнуть его. Но потом, убедившись, что этот эргономичный матрасик устойчиво расположился на столе, повернулась к мужу и посмотрела на него. Слабо улыбнулась и провела пальцем по его руке. Остановилась на ладони и расположила свою ладонь поверх его.

И хоть хотелось поговорить о том, что произошло вчера, она не стала этого делать. Сейчас не время. Но она должна ему объяснить мотивы этого поступка. Но сейчас

хотелось поговорить о дочери.

Тору Мотидзуки

Какое-то время Яреци сидела практически не шевелясь, позволяя ему целовать свою шею, но потом, завозила, проверяя все ли у Кимико хорошо, и окончательно разорвала их контакт, возвращая его к реальности проблем семей в которых совсем недавно случилось пополнение. И пусть сейчас обсуждение бытовых вопросов являлось не самым желательным для него времяпрепровождением, Тору понимал, что от этого никуда не деться, и если нарисовались мелкие трудности, то с ними стоило разобраться в первую очередь.

- И нет ничего из каких-нибудь старых вещей, чем пеленки можно было бы заменить? - с усталым вздохом спросил он. Тору удивился тому, куда они все пропали, поскольку, как ему казалось, их покупалась целая куча. Но, видимо, он проводил дома слишком мало времени и не сильно задумывался о бытовых моментах, поэтому как-то упустил этот момент из виду.

- Сомневаюсь, что в такое время можно купить новые. - Тору бросил взгляд на часы, обнаруживая, что время уже давно перевалило за десять вечера. Если бы он знал об этом раньше, то забежал бы в магазин сразу после работы, но сейчас уже было поздно дергаться. Да и необходимость одеваться и куда-то идти его совершенно не вдохновляла. Сейчас все его интересы крутились вокруг кровати, и если реализация части из них ему особенно и не светила, то завалиться спать, после того, как они разберутся со всеми вопросами, он вполне мог себе позволить.

Яреци Фернандез

- Вот... - вздохнула девушка, опустив голову. Снова прикусила губу (как хорошо, что он не заметил, что у неё вся нижняя губа - это один огромный кровавый синяк), а потом подняла на него глаза. Во взгляде читалась решительность. - Вот поэтому мы с ней и ушли на кухню. Просто больше некуда. Ты вчера ночью почти не спал, сегодня моя очередь. И завтра. И послезавтра. Мне же пока нельзя... в общем... - её щёки налились румянцем смущения. - И я подумала... наверное, это эгоистично с моей стороны, просто... постарайся поспать, любимый. Мы посторожим твой покой. Может быть не всё так печально, просто нужно принять ей воздушные ванны, а потом мы тоже ляжем спать...

Она задумалась, сколько она так сможет просидеть. Когда-то она спала за столом, и ничего у неё не болело, так почему сейчас должно что-то заболеть? Единственное - не усугубится ли состояние завтра? Надо будет почитать записи по врачеванию, а то она же совершенно не помнит, какая чакра в балансе с Аджной...

Она встала со стула и провела тыльной стороной ладони по его щеке. Потом поцеловала и крепко обняла. Нахмурилась.

- Ты как всегда не вытерся до конца, любимый. Ты можешь простудиться. И волосы мокрые. И толком не оделся. Эх, ну как так можно? - Проворчала она и стянула с него полотенце. Накинула на голову и начала ему вытирать голову. В памяти всплыл момент, когда она помогала ему приводить себя в порядок после известия о смерти его отца. Тогда он выглядел потерянным, не знающим, что делать дальше. Сейчас

он выглядел уставшим. И несчастным.

Она хотела, чтобы он хоть один раз остался дома. Но это было невозможно, и все это прекрасно знали. Поэтому ей нужно что-то сделать, придумать, синтезировать из воздуха, чтобы он отдыхал дома. Не переживал из-за неё или из-за дочки, а отдыхал. Улыбался. Ему так идёт улыбка.

Тору Мотидзуки

- Если честно, я ничего не понял. - Тору уже давно смирился с тем, что логика Яреци находится на противоположном полюсе от логики обычного человека. Хитросплетения мыслей в ее голове, о большей части из которых он мог только догадываться, поражали, и сейчас, когда его мозг слишком устал от постоянной активной работы, разобраться с тем, что его жена имеет в виду, было еще сложнее, чем обычно. - Почему тебе нельзя спать, если спит Кимико, и как это связано с тем, что после родов близость противопоказана? И зачем тебе торчать на кухне, если плач ребенка я услышу все равно, а если у малышки все нормально, то лежать на кровати намного приятнее, чем сидеть на стуле?

Помимо этих вопросов, у Тору возникла еще парочка, когда Яреци, отругав его за то, что он практически голый, стащила с его бедер полотенце, обнажив его окончательно, и начала вытирать ему голову, словно для этих целей нельзя было использовать другое полотенце, от недостатка которых они не страдали. Но в этом и была вся Яреци, которая не ограничивалась полумерами, предпочитая, например, влезать в чужую голову и устраивать себе проблемы со здоровьем, чтобы выяснить то, о чем все вокруг и так знали.

- Да не переживай ты за меня, я часто так хожу и вроде еще ни разу не заболел. - На его счастье Тору всегда мог похвастаться хорошим здоровьем, болея только в очень редких случаях полного истощения. А сейчас он, несмотря на усталость, был еще далек от состояния, при котором организм отказывался бороться с заразой. Да и позволить себе болеть он не мог, поэтому даже и не думал о возможности хотя бы день поваляться в постели, страдая от какого-нибудь легкого недомогания.

Яреци Фернандез

Стена холода становилась все толще, теперь ее точно никогда и ничем не пробить и не растопить. Наверное, ей в очередной раз придется признаться в своей неправоте, но ведь она не считала себя виноватой. Это должно было произойти рано или поздно, но это произошло именно сейчас. Когда Тору был сильно загружен на работе. Может это действительно карма, а может быть она просто не может подарить этому человеку маленький островок счастья, понимания, стабильности.

- Ладно, извини, - вздохнула девушка, подавив в себе желание высказать ему все, что думает по поводу всей этой истории с Маркусом. Она считала себя виноватой только в том, что влезла в его голову, подчинила его сознание своей воле. Она должна была узнать правду. Она видела, как папа с Тору разговаривали, еще тогда, в роддоме, но не было слышно, о чем они вели беседы. Наверное, папа что-то знал, рассказал об этом Тору, и они решили ничего не рассказывать ей. Действительно, зачем ей что-то рассказывать? У нее сейчас цель одна - заботиться о дочери и муже. Создавать уют, не возникать и сидеть себе спокойно дома. Ни с кем не

встречаться. Потому что, о Боже, можно случайно влезть в голову какому-нибудь подонку, чтобы узнать, что он делал с кем-то из ее любимых.

- Ложись спать. Мы подойдем попозже. Спокойной ночи, - сказала она, глядя на него. Нежно его поцеловала в губы и села обратно на стул. Закрыла лицо руками и задумалась.

Тору Мотидзуки

Яреци так и не ответила ни на один из его вопросов, хотя, задавая их, он никоим образом не пытался на нее давить. Он просто хотел понять ее логику, которая сильно отличалась от его собственной, и если девушка собиралась страдать во имя какого-то непонятого блага, то объяснить ей, что этого делать не нужно. Но его жена, похоже, как всегда все истолковала по-своему, перечеркивая его старания как-то смягчить ситуацию.

Очередная попытка Яреци отправить его спать не увенчалась успехом. Если она думала, что он после всех недоговоренных вещей и ее страдальческого вида, с которым она уселась обратно на стул, сможет просто так уйти из кухни, словно ничего не было, то сильно ошибалась. Ему вполне хватило постоянного напряжения первого брака, когда в воздухе, казалось, висели невысказанные слова, и повторять нечто подобное в своей нынешней семейной жизни, у Тору не было ни малейшего желания.

- Да что же творится в твоей голове?! – Тору не удержался и развернул стул, на котором сидела девушка так, чтобы она оказалась к нему лицом, а сам присел на корточки, чтобы было проще встретиться с ней взглядом.- Я не могу прочитать твои мысли, но мне кажется, что ты думаешь что-то не то. Ну вот зачем всегда все усложнять? Почему нельзя жить спокойной семейной жизнью, не создавая трудностей, которые потом приходится героически решать? Мы друг друга любим, у нас недавно родилась дочь... Мы должны радоваться тому, что имеем, а не заниматься какой-то ерундой.

Тору замолчал, но не сдвинулся с места, продолжая смотреть на Яреци и пытаясь понять, какой эффект возымели его слова. Предугадать реакцию его жены в подобной ситуации было трудно, поэтому, не имея возможности подготовиться к последствиям, он просто ждал какого-то ответа, слез, негодования – чего угодно, только не пугающего молчания, которым он в свое время «наелся досыта».

Яреци Фернандез

Не надо читать ее мысли. Их вообще читать не стоит. Даже мысли того Маркуса читать не стоило. А ведь среди его хлама из мыслей в его голове несколько раз была фраза "убить его". Кого его она не поняла, но вряд ли этт был Тору. Или папа. А если он хотел убить дядю Рикардо? А вдруг он это хотел сделать не своими руками, а с помощью ее мамы? Ведь если он действительно подсыпал ей психотропные, то можно было в какое-то время начать манипулировать ее сознанием. Так ведь делали плохие герои в книгах и фильмах.

От этого стало настолько больно и страшно, что она снова стала кусать губы. Из груди вырвался всхлип. Она хотела, чтобы Тору ушел спать. Она действительно не

хотела сейчас с ним ссориться, выяснять отношения. Она боялась, что он просто не сможет долго существовать в таком режиме, если еще и сегодня не сможет заснуть. А вдруг он заболеет, с ним что-то случится? Вдруг она не сможет быть рядом? Или она действительно приносит только несчастья?

Тору ее развернул вместе со стулом, и это заставило ее пискнуть и испуганно схватиться за края стула. Она сглотнула и посмотрела на его лицо. Он выглядел строгим.

- Я... я радуюсь. Я очень рада, что у меня есть ты. Что у нас есть малышка. Я радо, что ты счастлив ее рождению. Просто... - она вздохнула и всхлипнула. - Понимаешь, он... я знаю, что нарушила принцип, который поставила сама себе. Я не должна была залезать в его голову. Но, черт побери, он медленно и с наслаждением убивал мою маму. Маму, понимаешь?! Не кого-то, а маму. Я виню себя в том, что тогда не смогла приехать к ней. Я виню себя, что не поддерживала ее. Возможно, всего бы этого сейчас не было, не было ее, не было бы нас. Возможно, мы бы себе этого никогда не простили. Но... я люблю ее, я узнала правду. Знаешь, я аидела в его мыслях фразу про убийство. А вдруг он хотел убить своего отца? Вдруг он специально для этого так издевался над мамой. Я... - она всхлипнула и закрыла лицо руками. Она старалась сдержать слезы, но они потекли по ее щекам. - Ну вот, я опять реву. Ты устал, наверное, видеть мои слезы. Я... я постараюсь быть сильной. Прости, что заставляю тебя все это слушать и снова разбираться с моими проблемами... пожалуйста, прости...

Она отняла руки от лица и посмотрела на него, жалобно всхлипнув.

Тору Мотидзуки

- Странная у тебя какая-то радость - испуганно-заплаканная. – Тору усмехнулся и взял девушку за руку, показывая, что он не собирается ее ругать. – Яреци, я понимаю, что ты очень переживаешь за свою мать и не смогла удержаться, поняв, что с ней что-то случилось, но, пожалуйста, впредь, прежде чем использовать ментальную магию подумай о возможных для себя последствиях. Используй ее только в тех случаях, когда не останется других вариантов.

Не выпуская тонких пальчиков Яреци, Тору свободной рукой провел по ее лицу, мимоходом дернув ее за нос, и остановился на искусанных губах, чей вид заставил его недовольно покачать головой.

- Зачем грызешь свои губы? Тем более до такого состояния? И как мне теперь тебя целовать? – Тору осторожно провел по травмированной губе большим пальцем, а затем, с обреченным вздохом вытер ее щеки от слез. – Какая же ты у меня дурашка. Не переживай, никому твой братец вреда больше не причинит. Твой отец не просто так привез его в Китай. Мы придумаем, что с ним делать. Как по мне, так за свои шутки он вполне мог попасть в тюрьму и, если продолжит в то же духе, то, скорее всего, там и окажется. Но тебя это заботит не должно, лучше пожелай своей маме скорейшего выздоровления и заботься о Кимико, которую она может и захотеть после всего случившегося увидеть.

Тору сомневался, что все закончится всеобщим миром и любовью, но, поскольку

никто не знал, что их ждет в будущем, позволял себе немного пофантазировать. Вероятность излечения его тещи была мала, но, самое главное, она была. А Яреци сейчас стоило услышать что-нибудь ободряющее.

Решив, что перед сном он может себе позволить минут пятнадцать пообнимать жену, Тору поднял Яри со стула, занял ее место и усадил девушку к себе на колени. Хотел было отомстить и начать целовать ее ухо, но вовремя понял, что таким образом сделает хуже самому себе, поэтому просто покрепче ее прижал и прикрыл глаза, желая, наконец, немного расслабиться и забыть о всех неприятных моментах последних суток.

Яреци Фернандез

- А какие варианты? Избить его? Простить и отпустить? Ну он и уйдет. А потом найдет способ найти этот монастырь. Тору, мне страшно, пойми ты. Я боюсь... - Она всхлипнула. - Я знала риски. Я знала, что после этого у меня будет болеть голова. Но... он пришел к нам домой. У меня вообще первой мыслью было, что он похитит нашу малышку. Я... Тору, я не умею махать оружием, я не умею драться, но мне надо как-то защищать тебя и Кимико... прости, я... я буду сильной. Я знаю, что мне нельзя быть слабой. Да, я виновата в этом, но... спасибо тебе, любимый. Спасибо за то, что подарил счастье.

Она оказалась на его коленях и прижалась к его груди. Снова уткнулась в его ямочку под ключицей, но это было неудобно, и она грустно вздохнула. Посмотрела сначала на мужа, потом перевела взгляд на дочь, которая лежала с открытыми глазами, но молчала. Слабо улыбнулась.

- Я люблю тебя. Давай ляжем спать. Я... мы будем с тобой, любимый. Мы постережем твой покой.

Она хотела его поцеловать, но вспомнив про свои губы, не стала этого делать. Встала с его колен и, вытащив дочку из кокона, направилась с ней в комнату. На этот раз Кимико оказалась менее консервативна и позволила надеть на себя памперс. И заснула дальше. Яреци положила ее на живот, повернула головку и поцеловала в макушку. А потом отправилась умываться.

Через полчаса в этой маленькой съемной квартире все спали...
